

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.346.2

Шаожева Н.А.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН (г. Нальчик)

ГЕНДЕР В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

N. Shaozheva

*Kabardino-Balkaria Scientific Centre of Russian Academy
of Sciences (Nalchic)*

GENDER IN CONTEXT ETHNICAL IDENTITY

Аннотация. Автор данной статьи акцентирует внимание на вопросах теории и методологии кризиса этнической идентичности. Предлагаемое исследование раскрывает актуальные аспекты современного состояния механизмов формирования категорий пол/гендер. Рассматриваются проблемы национального субъекта в гендерном смысле и в контексте гендерной дифференциации. Исследователем обозначена этническая значимость гендера как неотъемлемая составляющая социальных явлений. Представленные в работе теоретико-методологические положения подкрепляются конкретными (северокавказскими) социологическими исследованиями.

Ключевые слова: гендер, этнос, социальный конструктивизм, феминизм, нация, картина мира, идеология.

Abstract. The author of the given article pays particular attention to the questions of the theory and methodology of the crisis of the ethnical identity. This research analyses actual aspects of contemporary mechanism of formations of category of gender. The problem of national subject in gender and gender differentiation is in the focus of the article. The author emphasizes the ethnical meaning of gender as an undivided part of the social phenomena. Theoretical and methodological contents represented in the article are driven from concrete (Northern Caucasus) sociological researches.

Key words: gender, ethnos, social constructivism, feminism, the view of the world, nation, ideology.

Анализ проблем идентификации национального субъекта в современных условиях – современных в широком понятии этого слова (как минимум, на протяжении всего XX в.) – во многом лежит вне сферы национального. Начиная с момента вступления в силу индустриального развития общества, параметральная парадигма этнической идентичности, равно как и состав базовых гендерных комплексов, претерпели существенные изменения. Нация, определение которой ныне происходит в контексте той или иной государственности, в основном детерминирована отношениями власти, общечеловеческими стратегиями телесности, дискурсом сексуальности в контексте национальной, расовой, классовой и гендерной дифференциации. В современной социально-политической науке постановка проблемы национального субъекта предусматривает применение категориального аппарата философских теорий социального конструктивизма, структурализма и постструктурализма. Для тради-

* © Шаожева Н.А.

ционных сообществ классического маскулинного типа особое значение имеет комплекс вопросов, относящихся к освоению гендерными системами не традиционных для этнического сознания сфер социального статуйирования.

Для Северного Кавказа особо значимым видится процесс трансформации систем гендерного сознания и базовых гендерных комплексов в контексте борьбы между национальными и транснациональными системами маскулинности [3]. В этом смысле гендерные системы народов Северного Кавказа очевидно формировались как стабилизирующая этническая константа в условиях поэтапного перехода к разным типам маскулинного общества – от классических воинских до современных транснациональных.

Современные социологические концепции не видят прямой зависимости между гендерными системами и формированием этнического сознания, трактуя это соотношение как односторонне детерминированное маскулинными составляющими нации. Нация и национальная принадлежность выступает синонимами этноса и этнической принадлежности, которые воспринимаются как «природные» характеристики индивида.

Конструктивизм рассматривает нацию как социокультурное образование, в состав которого входят лишь социально сконструированные отношения между национальной, этнической и классовой принадлежностью индивида, а уже индивид трансформируется в национальный субъект путем регулирования со стороны механизмов этнической детерминации и идеологии [3].

Основным механизмами национально-идеологической идентификации индивида видится при этом национальный язык и национальная семья. Но и в этом случае внутрисемейные взаимоотношения рассматриваются в качестве сугубо маскулинных слепков окружающего общества – соответственно, маскулинного, того или иного типа.

Естественно, рассмотрение проблемы национального субъекта в ее гендерном смысле сводится, как правило, к исследованию таких

категорий, как понятия тела, стратегии телесности, сексуальности и пола, в том числе – женского пола как объекта практик маргинализации, ограничения и контроля. Относительно проблемы национального субъекта эти категории позволяют выделять и анализировать действие института национальной семьи лишь в качестве системы, субъективизирующей индивидов ограничениями и запретами сексуальности, системы, в которой женщины выступают лишь как объекты контроля со стороны мужчин [5].

Даже в философии классического феминизма парадигма женского субъекта и гендерные системы рассматриваются только сквозь призму социальных механизмов конструирования женского субъекта, отчлененного от общего комплекса маскулинного общества («иной» или «другой»). Выделяя как основную характеристику субъекта принцип притеснения по половому признаку, теоретики феминизма обосновывают и вводят в философскую антропологию понятие гендера как социального пола. В основе любой социальной организации, национальной в том числе, подразумевается гендерная асимметрия, интерпретирующаяся феминистами в свете биологических характеристик мужчин и женщин как бинарные оппозиций «вышениже», «культурное-биологическое», «общественное-индивидуальное». Таким образом фактически легитимизируется концепция неравноправия женщин и мужчин в структурах патриархальных сообществ, а естественное положение женщин в них трактуется как ситуация тотального женского притеснения и монолитного мужского господства вне зависимости от национальной, этнической, расовой и классовой принадлежности.

Между тем даже поверхностный обзор патриархальных сообществ, в значительной мере сохранивших свои организационные свойства и параметры, дают нам совершенно иную картину [4]. Биологический пол априори задает некую разницу нормативными поведенческими и статусными стандартами мужчин и женщин, и в случае признания первичной естественности такого положе-

ния, парадигма гендера выступает как функциональный коннотат и маркер этнического, в маргинализированных сообществах – социального бытия семьи и нации.

Иначе говоря, обращаясь к Северному Кавказу, мы четко видим, что гендер представляет собой культурный механизм, который осуществляет и реализует потенции женщины в контексте естественности, биологической предопределенности, внедискурсивности пола.

Необходимым условием функционирования гендера в патриархальной среде становится, таким образом, система обязательной гетеросексуальности, определяющая параметры этнической идентификации индивида, интерпретируя их как «природные» половые отношения. Иначе говоря, режим власти определяет и сам определяется определенной гендерной конфигурацией, производящей нормативные рамки маскулинности и феминности. В контексте конструирования национального субъекта гендер легитимизирует этническую принадлежность индивидов посредством соотношения ее с естественным гетеросексуальным половым распределением и, таким образом, как уже говорилось ранее, производит и воспроизводит гендерную конфигурацию национальной маскулинности и феминности в их этническом виде [6].

Концепция гендерно маркированного субъекта позволяет рассмотреть проблему конструирования национального субъекта в контексте гендерной, расовой, классовой и национальной дифференциации. Но главное – рассмотрение гендерных систем в качестве равноправных инофункциональных компонент социума – тем более в традиционных сообществах, позволяет нам понять механизмы трансформации этнической парадигмы в условиях резко меняющейся среды.

Этническая значимость гендера всегда (и вполне справедливо) рассматривается во внешних координатах как неотъемлемая составляющая общественных явлений, во внутренних координатах – как инструмент жизнотворчества, и в сочетании личностного и общественного в контексте связи внутрен-

них перестроек субъекта с продуцированием инновационных национальных практик.

В стабильном обществе гендер – это уже упоминалось – выступает как элемент порядка. В кризисном обществе, в момент коренного изменения социальных норм реструктуризация гендерных систем приобретает особый характер. Одновременно происходит два процесса: трансформация взаимоотношений с социумом и трансформация аксиологических позиций по отношению к социуму.

В периоды социальных катаклизмов деятельность гендерных систем по формированию базовых гендерных комплексов дает своеобразный крен в сторону целесообразности, и внутригендерные движения приобретают вид адапционных процессов, которые воплощаются в поведенческой практике индивидуальных субъектов и в стереотипных адаптивных стратегиях. Процесс адаптации, с одной стороны, это попытка личности «вписать» собственный жизненный мир в новую систему социальных координат. С другой – происходит нечто противоположное: адаптационная деятельность гендерных систем направлена на интеграцию новых социальных феноменов в собственную систему представлений о мире и отношений к нему. То есть адаптация к общественному кризису со стороны гендерных систем, изначально обладающих высоким потенциалом инерции, предусматривает имплантацию нового социального опыта в структуру базовых гендерных комплексов, «присвоения» личностью атрибутов нового социального мира и создания на этой основе обновленной субъективной картины мира. Главный вопрос при этом – сохранение в составе детерминирующих поведенческих элементов «старых» составляющих, как правило, имеющих этническую маркировку, сохранение в условиях жесткой конкурентной борьбы с вновь сформировавшимися адаптивными компонентами.

На социальном и национальном уровнях своеобразным отражением проблем личностной адаптации видится феномен маргинализации. Негативные его последствия

проанализированы в современной социологии тщательным образом, процессы же постепенного воссоздания этнической нормативности еще ожидают своего освещения. Именно в этом контексте адаптации на микроуровне получают важное значение соотношения инерционности-мобильности гендерного сознания и нормативности мотивации и поведения.

По существу, сам кризис в социально-психологическом плане — это крайнее выражение дезадаптированности людей, мобильность базовых гендерных комплексов является неотъемлемой составляющей преодоления общественного кризиса как такового. Ситуация социальных трансформаций порождает долговременные трудности, действующие как перманентные стрессовые факторы. Под их влиянием психологическая ситуация, связанная с приспособлением к резким общественным трансформациям, постепенно нивелируется, кризисное начинает восприниматься как норма, теряет личностно стрессогенный характер [1]. Вместо этого в обществе наблюдается психологическая усталость и апатия, обусловленные несоответствием этномаркированных составляющих базовых гендерных комплексов актуальным социальным заказам.

Наблюдение за развитием трансформационных процессов подтверждает, что адаптивный социальный ресурс в любом случае сильнее ресурса этнического. В случае резких катастрофических общественных подвижек ситуация очевидна. Если же общество эволюционирует медленно, то кризис этнической идентичности преодолевается сравнительно быстро, но при этом меняются характеристики национального сознания и предусматриваемые поведенческие нормативы. К слову, в настоящее время умение вести розничную торговлю считается одним из проявлений специфики национального характера и ментальности народов Кабардино-Балкарии. Между тем в еще в 20-х гг. XX в. на всей территории КБР проходили многочисленные собрания старейшин сел, целью которых была попытка воздействовать на

занимающихся торговлей жителей данных населенных пунктов. Формулировки при этом были приблизительно одинаковые и заключали в себе резкое осуждение практики торговли на рынках как факты, позорящие фамилии и народы в целом.

Итак, вернемся к процессам замещения и доминанции социально-адаптивных компонент базовых гендерных комплексов. С одной стороны, это проявление внутренней стабилизации: принадлежность к социуму дает субъекту ощущение защищенности. С другой — сам факт социального позиционирования, принадлежность к определенным социальным группам или противостояние с ними специфически влияют на гендерное секторальное пространство, напрямую выводя и интегрируя его в общий объем социума. В условиях традиционной маскулинной популяции, находящейся в стадии кризиса, это зачастую предопределяет нежелательные для общества проявления поведенческой активности [2].

Проблема внутренней функциональности избранных стратегий приспособления решается, исходя из видимой модели жизненного пространства как совокупности неких полей возможной деятельности, ближайшим и наиболее освоенным из которых является для гендерных систем этническое. Однако этот объем, тесно связанный с самим понятием национального, находится внутри реального жизненного социализированного поля, охватывающего освоенную субъектом часть жизненной реальности. Этническое жизненное пространство оказывается заключенным в социальном, выступающим в качестве потенциального резерва для освоения. Секторальное гендерное пространство, распространявшее свое опосредованное или прямое влияние по всем векторам жизненной активности, стремится к упорядоченности собственного мира и пытается охватить и расширить объемы, подлежащие его контролю. В условиях внешних трансформаций происходят такие превращения объективной социальной реальности, которые вызывают резкое «сужение» контролируемой и

освоенной части жизненного пространства – для традиционных патерналистских систем функционирования общества. Для гендерных систем возникает актуальная потребность в активных усилиях по поддержке стабильности жизнедеятельности.

В среде традиционных маскулистных обществ Северного Кавказа процессы адаптации приняли достаточно специфическую форму. Данные опросов выявляют, что на пересечении субъективных представлений и личностной активности внутри базовых гендерных комплексов формируются стартовые позиции, характеризующиеся позиционированием по отношению как к этническим мотивационным и оценочным стандартам, так и адаптивно-социальным.

Поскольку ход социальных трансформаций определяется, в первую очередь, деятельностью государства, изменениями в его нормативно-правовом поле, экономическом состоянии и другими макропоказателями, подобное позиционирование автоматически приобретает вид аксиологического статуйрования гендерных систем по отношению к государству и его деятельности.

Соответственно, ситуации социальных подвижек по-разному влияют на поведенческую активность. Изучение процессов адаптации на примере жителей удаленных горных населенных пунктов и вообще – сел, находившихся в сравнительной экономической изоляции, подтвердило, что не следует отождествлять маргинализированные группы населения с агентами внедрения инновационных экономических практик. Наоборот, самые традиционные в смысле жизненного уклада и форм хозяйствования села Кабардино-Балкарии наиболее успешно и в самые короткие сроки перешли на товарное производство, конкретно – на возделывание монокультур, ориентированных на рыночную реализацию. Одновременно с этим в населенных пунктах, близких к Нальчику, и в самой столице республики в 1990-х гг. и по сегодняшний день имеет место ярко выраженная люмпенизация представителей националь-

ных сообществ, растут показатели алкоголизма и невынужденной безработицы.

Секторальное гендерное пространство, взяв на себя функции замещения традиционных патерналистских комплексов управления жизнедеятельностью общества, реагирует на катастрофические подвижки общества двояко. В данный момент нас интересуют моменты взаимодействия секторального гендерного пространства с выраженной доминантой адаптивно-социальных элементов, иницирующей базовые гендерные комплексы маргинального плана. В этом смысле полевые материалы по КБР подтверждают, что в этой среде весьма распространены негативные реакции на изменения среды — усиление ощущения зависимости от внешнего мира и понижение самооощущения в смысле потенциальной сопротивляемости этим изменениям, снижение чувства ответственности за собственные поступки.

Результаты исследования подтвердили, что группы хорошо психологически компенсированного, частично компенсированного и декомпенсированного маргинального населения отличаются как самовосприятием, так и восприятием жизненной ситуации в целом, демонстрируют различные стратегии адаптации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горшков Е. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1996.
2. Воронина О. Категории пол/гендер в философии феминизма // Философские исследования. – 1995. – № 4. – С. 13-19.
3. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
4. Нечаева Н. Патриархальная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. Вып. 1. – СПб.: Наука, 1997.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Академия, 1996.
6. Эссинг Л. Познание/производство субъектов гендерной теории/ Современная философия. – 1995. – № 4. – С. 17-26.